

Н. А. МОНАСТЫРЁВ

<«Жест был эффектным, но в принципе не решал ничего»>

Адмирал Эбергард не любил рисковать и вел себя крайне пассивно. Когда же командующим Черноморским флотом стал вице-адмирал Колчак, картина боевых действий в корне изменилась. Адмирал Колчак еще на Балтике показывал себя энергичным и агрессивным командиром. Прибыв в Севастополь, Колчак сразу разработал план уничтожения немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау». Поскольку вызвать их на бой было невозможно (в тех редких случаях, когда они нам попадались, немцы легко избегали боя, пользуясь значительным преимуществом в скорости), адмирал Колчак решил поймать их в их собственных водах. «Гебен» уже почти не рисковал выходить в свои знаменитые рейды первого года войны. После встречи с «Императрицей Марией», а позднее — с «Императрицей Екатериной» он решил более не искушать судьбу и месяцами простаивал в Босфоре. <...>

Командир был награжден Георгиевским крестом 4-й степени, а я — Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». Адмирал Колчак лично прибыл на стоянку флотилии подводных лодок, чтобы вручить крест нашему доблестному и уважаемому командиру.

Я очень хорошо помню этот день, последний счастливый день нашей «семьи подводников».

Уютная, празднично освещенная кают-компания нашей плавбазы «Трапезунд» была украшена цветами. Там собрались все офицеры-подводники, ожидая прибытия командующего флотом. Громкий разговор, шутки и смех. Но вот на палубе горны заиграли «захождение», и все высыпали наверх. Адмирал поднялся на борт и приветствовал строй, поднеся руку к козырьку. Его глаза сверкали энергией и непоколебимой волей. Он внушал к себе не просто уважение, а даже что-то вроде благоговения. Подойдя к командиру «Краба», Колчак прицепил к его груди Георгиевский крест, а затем произнес краткую, но прочувствованную

речь о боевом пути подводного минного заградителя — первого в мире боевого корабля этого типа.

После благодарственного молебна мы вместе с адмиралом, принявшим наше приглашение на праздничный обед, спустились в кают-компанию. Адмирал поднял свой бокал за здоровье нового кавалера Георгиевского креста. Командир «Краба» поднял ответный тост за здоровье адмирала. После чего последовало громкое восторженное «Ура!». <...>

Получив сообщение о событиях в Петрограде и о совершенных там преступлениях, адмирал Колчак сразу понял всю опасность сложившейся ситуации. Командующий объехал все корабли и береговые части, спокойно и уверенно объясняя матросам суть произошедшего. Благодаря своему огромному авторитету, Колчаку удалось поначалу сохранить дисциплину на флоте, предотвратив ту кровавую вакханалию и резню офицеров, которая произошла на Балтике в первые же дни революции. Там, главным образом в Гельсингфорсе и Кронштадте, многие офицеры были самым зверским образом убиты только за то, что пытались в обстановке начинающегося развала сохранить дисциплину и порядок. Когда слух и сообщение об убийстве офицеров на Балтике дошел до Черного моря, сразу же нашлись подстрекатели, быстро доставившие в Севастополь списки офицеров Черноморского флота, подлежащих уничтожению. К счастью, тогда у них ничего не получилось. Тут сыграл свою роль и огромный авторитет адмирала Колчака, а также и то, что занесенные в списки офицеры пользовались большой популярностью среди матросов. <...>

На мачтах кораблей развевалась пестрая коллекция всевозможных флагов. Одни еще стояли под Андреевскими флагами, другие под красными, третьи под «желто-блакитными бандерами» самостийной Украины, четвертые под черными знаменами анархистов. Как боевая организация флот перестал существовать. И лучше всех это понимал адмирал Колчак. Он пытался делать все возможное, чтобы флот мог продолжать решение боевых задач, что буквально с каждым часом становилось все труднее и труднее. <...>

К началу лета на базах Черноморского флота появились подстрекатели и убийцы, прибывшие с Балтики. Они яростно и открыто начали агитировать против адмирала Колчака и вообще против офицеров как таковых. «Почему вы еще терпите офицеров, этих врагов народа, которые, ради собственной выгоды, стремятся затянуть братоубийственную войну? Они всегда были опорой трона, а потому являются злейшими врагами революции! Не верьте им! Посмотрите, чего мы достигли на Балтике, перерезав этих гадов! Хватит войны! Немцы — наши друзья, и мы хотим жить с ними в мире. Да здравствует всеобщая свобода! Мы, большевики, укажем вам правильный путь!»

Результаты подобной агитации не замедлили сказаться. На офицеров стали смотреть действительно как на врагов государства. В июне начались первые аресты, а комитеты постановили отнять у офицеров оружие. Первым делом решили отнять Георгиевский кортик у адмирала Колчака, который тот получил во время осады Порт-Артура. «Не от вас я получил это оружие, — гордо ответил адмирал, — не вам его у меня отбирать!» И выбросил кортик за борт. Жест был эффектным, но в принципе не решал ничего¹. Поэтому, чтобы избежать осложнений, адмирал приказал офицерам сдать личное оружие командирам кораблей для последующей сдачи комитетам.

Не в силах терпеть подобные унижения, адмирал Колчак отправился в Петроград, чтобы побудить правительство к принятию срочных мер по спасению флота от полного развала. Не добившись, естественно, ничего, адмирал Колчак отказался от командования флотом.

